Дай мне
ЛЮБИТЬ ТЕБЯ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
ВИОЛЕТТА РОМАН

Виолетта Роман
Дай мне любить тебя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68286340
SelfPub; 2022

Аннотация

Она была моей. Лишь взглянув в ее огромные голубые глаза, я пропал. Я погряз в ней по уши. А она изменила мне. Просто в один момент ушла к другому… Я пытался забыть ее – завел семью, делал вид, что живу. Но этим лишь обманывал себя и делал больно близким. А потом она появилась вновь. Вся такая независимая, успешная. А меня разрывало снова, как в первый раз. Словно и не было этих лет разлуки. И тогда я понял, что не отпущу. Пусть не любит, пусть с другим – отберу. За три замка ее посажу, сердце выверну наружу и против всего мира пойду, но она моей будет!

Второй и заключительный том дилогии

Первый том: «Сердце наружу»

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Илья 51
Вика 62
Илья 68
Вика 73
Илья 77
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Виолетта Роман
Дай мне любить тебя

Глава 1

2 месяца спустя

Он смотрел документы так долго, что у меня заболела спина от сидения на неудобном стуле. После бессонной ночи было сложно контролировать свои эмоции и не наговорить ему лишнего.

– Андрей, если ты собрался делать это до вечера, советую закрыть дверь на замок. Ожидающие в очереди начнут врываться сюда минут через десять.

Яровой поднял на меня глаза и ехидно выгнул бровь.

– Это суд. Здесь не буянят.

Я поднялась со стула, начала расхаживать взад-вперед разминая затекшие мышцы.

– Может, чай или кофе? Выглядишь не очень, – раздался его тихий, со смехом голос. Я подняла на него глаза, сощурилась.

– А как я должна выглядеть, когда легла в три часа ночи? Вы же разойтись не можете спокойно сразу после игры. Вам нужно еще в клуб завалиться…

После вчерашней гулянки у меня действительно болела голова. Уже две таблетки нурофена выпито, и ничего не помогло.

Андрей смеется. Ставит подпись в журнале приема и отдает мне сопроводительное с меткой входящего.

– Это все Ник. Никак не успокоится, – Андрей поднимается из-за стола, подходит ко мне и протягивает листок.

– Ты б ему сказала, что не светит. А то он все больше на пса становится похожим. Таскается за тобой, как подорванный. Скоро выть по ночам начнет от тоски.

Мне не нравилось то, с каким ехидством Андрей говорит о Нике. Яровой вообще не очень приятный тип, и зачем Ник зовет его с нами – большой вопрос. То ли дело в его должности, то ли Ник просто рубаха парень и не видит очевидного, что Андрюша у нас с гнильцой.

Я пытаюсь выдернуть у него бумагу, но он не отцепляет пальцы и не отдает.

– Так, если Нику не светит… может, сходим куда вдвоем? – улыбается криво.

Склонив немного голову, внимательно смотрю на него. Мне хочется уколоть его, но сделать это так, чтобы не пострадала моя работа.

– Андрей, а с чего ты взял, что Нику не светит? А?

С упоением смотрю за тем, как слетает с его лица высокомерие. Краснеет, прячет глаза в пол. Парень усмехается чему-то своему.

– Ты его к себе так ни разу и не подпустила за все время нашего общения… сколько мы уже тусим?

Я пожала плечами.

– Немного. Пару месяцев всего. Так я из тех, кто долго запрягает, но быстро бежит. Так что прости, но мы с Ником сами разберемся, – подмигнула ему и забрала, наконец, из его рук бумагу.

– Спасибо! – махнула ей на выходе и поспешила на улицу.

Закутавшись в пальто, остановилась чуть дальше суда. Вытянув из сумки сигарету, прикурила. Выдохнула дым и прикрыла глаза. Больно. Каждый чертов день больно. И ничуть не меньше ни на грамм. Днем еще держусь, забиваю свой график так, чтобы поесть было некогда, не то что поплакать. Постоянно пропадаю на работе, а выходные провожу с компанией Ника, не потому, что они все мне дико нравятся, а чтобы не быть одной. С сентября, как началась учеба, Настя пропала с радаров. Они постоянно с Киром, у них свои движения. Я перевелась на заочку, и до зимней сессии мне там делать нечего.

Из ворот суда вышла семейная парочка. Мужчина и женщина лет тридцати пяти. Презентабельного вида, хорошо одетые, уселись в дорогую машину. Вряд ли разводятся, слишком нежно смотрят друг на друга. В груди разлилась горечь.

Я, наверное, плохой человек. Не могу смотреть, когда людям хорошо. Счастье других меня убивает. Оно напоминает мне о моем разбитом сердце. О том, что моим мечтам просто не суждено сбыться.

Телефон вибрирует. Я знаю, это не может быть он – я сме-

нила симку на следующий день, после того, как он бросил меня. Это не Илья, но сердце екает каждый раз. Глупое сердце. Его растоптали, а оно все еще любит. И ничего с ним не сделаешь…

Сигарета в руках тлеет быстрее, чем сменяются мои мысли. Настя. Хочет встретиться на выходных. Я соскучилась по подруге, но хочу ли я ее видеть? Если я признаюсь, что и ее счастье раздражает меня, это будет звучать ужасно. Поэтому я пишу, что очень занята по работе, прошу перенести встречу на попозже.

Убираю телефон, смотрю на часы. До конца рабочего дня какой-то час остался, а мне еще нужно успеть сделать кучу всего. Начинает звонить телефон, я снимаю вызов и иду через дорогу к остановке.

– Соскучился? – смеюсь в трубку, когда слышу голос Ника.

Этот парень здорово помогает мне. Он постоянно рядом, он мой лучший друг. Не знаю, с чего Андрей вдруг сморозил о якобы желании Ника быть со мной как с девушкой… Ни разу за эти дни он не сделал даже малейшего намека. Между нами все ясно и понятно. Мы – друзья. Ни больше ни меньше.

– Я уже боялся, что Яровой с тобой что-то сделал. Тебя уже три часа нет!

Я засмеялась.

– Ты говоришь, как сварливый муж…

Ник прыснул от смеха, а я подошла на остановку. Здесь было пусто, и не удивительно, что в этот район так редко ходит транспорт! Добираться порой приходится пару часов, хотя пешком будет и то быстрее.

– У меня для тебя хорошая новость. В общем, жду тебя в офисе. Давай быстрее двигай своими булками…

Я сбрасываю вызов и смотрю на время. Черт, вызвать бы такси, но денег осталось только на самое необходимое. А до зарплаты еще четыре дня. В этот момент на меня вдруг кто-то налетает. Этот неизвестный толкает меня со спины, и я падаю на грязную после дождя асфальтную плитку и роняю бумаги. Документы вылетают из папки, рассыпаясь. Я смотрю на весь этот кошмар и думаю о том, что мне придется оттирать не только бумаги, но еще и новое розовенькое пальто, локтем которого сейчас я опираюсь о ту самую плитку.

– Ой, простите, ради бога! – над головой раздается тоненький женский голос.

– Я во всем виновата, простите, девушка! – она присаживается рядом со мной и принимается собирать мои бумаги. В ее руках несколько продуктовых пакетов.

– Да ничего, вы же не специально, – вздыхаю, поднимаясь с земли. Забираю документы и тянусь к сумочке за влажными салфетками.

– Ой, нет, не делайте это! – она отбирает у меня упаковку. – Если протрете мокрым, все въестся в ткань. Лучше пусть подсохнет, потом щеткой счистите. Но тут без хим-

чистки не обойтись… – она хмурится, а потом начинает тянуться к сумочке.

– Вот, – девушка протягивает мне пару тысячных купюр. – Этого должно хватить.

– Нет, спасибо, не надо, – я убираю салфетки в сумку.

Она никуда не уходит. Стоит и смотрит на меня.

– Знаете что, давайте я вас подвезу. Вы же автобус ждали? А я еду в центр. Нам по пути? Но если надо, отвезу, куда вы скажете. Я хочу хоть как-то загладить свою вину.

А она хорошенькая. Улыбчивая такая, раз сто уже извинилась, хотя это ведь просто случайность. Не знаю почему, но я ей доверяю.

Ее предложение не такое уж и плохое. Автобуса ждать неизвестно сколько, а в офис мне бы хотелось попасть как можно скорее.

– Да, мне как раз в центр нужно, на Соборный. Если вам будет не трудно…

Она улыбается.

– Совсем не трудно, идем.

Мы подходим к припаркованному неподалеку красного цвета Жуку. Девушка открывает багажник и складывает туда свои вещи.

– Ты не против, если я усажу тебя на заднее? Сейчас одного человечка подождем пару минут, он за сигаретами пошел, и поедем.

Я устраиваюсь на заднем, когда девушка садится за руль,

улыбаюсь ей.

– Без проблем. Пара минут меня не спасет.

Она смотрит на мои испачканные рукава, хмурится.

– Прости еще раз, я бываю такой растяпой.

– Проехали. Знала, что не стоит брать светлый, – сморщилась, засмеявшись.

– Не стоит, но он очень красивый, – произносит она задумчиво.

Телефон снова вибрирует. Сообщение от Насти.

« Если ты больше не хочешь общаться, Вик, так и скажи. Я не пойму, в чем проблема? Ты не можешь найти свободное время для подруги уже на протяжении двух месяцев?»

Выдыхаю, прикрывая глаза. Что мне ответить? Я ведь сама понимаю, что виновата.

В этот момент открывается дверца машины, и на пассажирское переднее сидение присаживается какой-то парень. Я бросаю на него беглый взгляд, вижу только спину его кожанки, продолжаю набирать сообщение Насте.

– У нас немного изменились планы, подвезем девочку в центр, на Соборный заедем.

Чувствую сигаретный дым, он закурил.

– Да, делай, как нужно, – отвечает тихий мужской голос, а у меня пальцы так и зависают над экраном. Сердце пускается вскачь, я прикрываю глаза, чувствуя, как меня начинает трясти.

– Хорошо, Илюх. Ты же знаешь, что ты самый лучший, –

отвечает ему девушка, смеясь.

Глава 2

Машина уже на полном ходу. Мне не убежать, не скрыться. Я просто сижу и смотрю на кисти его рук, выглядывающие из-под рукавов кожанки. Смотрю на его пальцы, между которых зажата сигарета, на его идеальный профиль во время того, как он поворачивается к приоткрытому окну и выдыхает в щелку дым. Он отравляет меня. Каждым вдохом своего аромата отравляет, каждой секундой пребывания здесь.

К глазам подкатывают слезы, внутри меня так много боли сейчас, что я не в силах это терпеть. Она накатывает неожиданно и резко, лавиной сбивая с ног. Я должна убежать, должна спрятаться – красной лампочкой в мозгу. Но я не могу перестать пялиться на него, вбирать его в себя, потому что, несмотря ни на что, я дико скучаю.

– Слушай, может, ты хотя бы курить не будешь? Все-таки мы не одни, – хмурится девчонка на него.

Она уже не кажется мне такой милой, такой обаятельной. Кто она ему? Новая пассия? А как же Марго? Едкая глупая мысль начинает грызть меня, когда я перевожу на нее взгляд. Чем она лучше меня? Что в ней такого, что делает его ближе…

В какой-то момент боли становится так много, я понимаю, что вот-вот и разрыдаюсь, как последняя тряпка. Схватив бумаги с сидения и дождавшись, когда девушка начнет тор-

мозить на одном из перекрестков, хватаю свои вещи.

– Вот здесь высади меня. Я вспомнила, нужно было заскочить в магазин, – мой голос звучит отвратительно.

Лиза кивает, улыбнувшись, и в этот момент мою кожу покрывают колкие мурашки. Я еще не вижу его, но чувствую. По венам протекает лава, когда я перевожу взгляд к зеркалу заднего вида. Его удивленные серые глаза. Они устремлены на меня. Он смотрит так пристально, ни на секунду их не сводит. А меня трясет. В какой-то момент боли так много, что я больше не могу ее держать в себе. Как только машина тормозит и раздается щелчок разблокировки, я открываю дверцу и едва ли не вылетаю из салона.

Набираю воздух со свистом в легких, в глазах темно, улица кружится. Мне так плохо, так много всего сейчас внутри, я просто не могу больше терпеть… это уже слишком.

– Вика! – раздается его голос за спиной. Он разрядами проносится по венам, заставляя сердце гнать еще быстрее. Мои ноги врастают в асфальт, они вдруг наливаются свинцовой тяжестью. Я не могу уйти, но и не смотрю на него. Знаю, если увижу, дам слабину. Разрыдаюсь, как слабачка, снова покажу ему свою боль, снова дам растоптать себя.

– Вик, подожди, – он догоняет меня. В один момент просто появляется передо мной, вырастает скалой огромной. И мне некуда деваться, я просто стою и задыхаюсь от боли, из последних сил сохраняя видимое равнодушие.

Он изменился. Чужой какой-то стал. Глаза холодные,

нечитаемые. Не могу понять, что внутри него, только взгляд его болючий по фигуре скользит. Нагло, по-собственнически как тогда, как раньше. Кожанка на плечах, прическа новая – волосы стали короче, зачесаны назад.

Смотрю в глаза ему, а сама последнюю встречу вспоминаю. Словно в себя пытаюсь прийти, напоминая, как на самом деле обстоят дела. Он не любит тебя, Вика. Никогда не любил. Он играл. Эта правда все никак не уляжется во мне, все никак не принять мне ее… не хочу, больно, но уж лучше так, чем снова быть тряпкой под его ногами.

– Ты в порядке? – слетает с его губ хриплое. Чертов его голос, ну почему меня лихорадит от него?! А он такую чушь несет. Ей богу, неужели это то, что его волнует?

Его бровь изогнута, он подходит ко мне так близко, смотрит на меня, как раньше. Воздуха в легких не хватает. Отворачиваюсь, потому что перед глазами уже плывет все от предательских слез.

Да какого черта?! Прикрываю глаза, начинаю смеяться. Горько, громко. И когда поворачиваюсь к нему снова, успеваю спрятать, затолкать поглубже свою боль. Сейчас в моем взгляде то, что я так пыталась взрастить за все бессонные слезные ночи этих месяцев.

– Да пошел ты на хер, Илья. Мое благополучие – последнее, что должно волновать тебя, – я срываюсь по тротуару вперед. Я не хочу его видеть, не хочу слышать. Он настоящий урод!

– Эй, подожди, – он хватает меня за рукав, прижимает к себе. Он так близко, непростительно близко. Его запах, бл*ть, да это как удар под дых. Я вдыхаю аромат его духов, я чувствую его касания и подыхаю. Вот здесь, посреди дня, на одной из центральных улиц своего города, я нашла свою погибель.

– Что тебе нужно?

– Вик, давай поговорим…

Я смеюсь. Мне так горько.

– О Марго? Или о твоей новой сучке? – киваю в сторону красного жука. Девчонка во все глаза смотрит на нас через лобовое.

– Кто она тебе? Пассия? Или очередная серая мышь для игры?

– Прекрати, – рычит. – Все совсем не так, Вик, послушай…

– Ты такой урод, Илья! Отвали от меня, слышишь?! Отвали и больше никогда не появляйся в моей жизни! – рычу сквозь зубы и отталкиваю его. Я срываюсь на бег. На каблуках, с бумагами в руках и сумкой, с застланным пеленой взглядом я бегу, пока мне не становится плохо. Пока не вижу здания своего офиса, а легкие не горят от нехватки кислорода. Открываю дверь и также бегом залетаю на второй этаж. Я так спешу спрятаться здесь, в нашем офисе, я так спешу спрятаться от него… Но он все равно рядом. В моих легких, на моей коже, в моих глазах.

Сбрасываю вещи и верхнюю одежду. Под удивленные взгляды девчонок бегу в туалет. Открыв кран, умываюсь холодной водой. Я тру лицо, тру нос, стараясь вымыть его из себя. Мне больно, мне так больно, мама! Ну зачем, зачем он снова появился?! Зачем так смотрел на меня, будто чувствует что-то, зачем улыбался так, будто и ему плохо? Он бессердечный, он плохой, мама. И мое сердце так сильно болит… я так больше не могу, не могу…

Глава 3

– Ты не хочешь мне сказать, кто это был? – Лиза выглядит недовольно.

Достаю из кармана пачку, осталась последняя сигарета. Вставляю ее в губы, забираю пакеты с едой из багажника, молча захлопываю его крышку.

– Верх, вы чего так долго? Шашлык уже почти готов, а бухла нет, – из дверей загородного дома выходит Птаха. Лиза, понимая, что так и не дождется ответа, фыркает и проходит мимо брата в дом.

Я отдаю ему пакеты.

– Здесь все. Я сейчас буду…

Не дожидаясь от него ответа, срываюсь в сторону реки. Подхожу к воде и усаживаюсь прямо так, на камни. Кажется, в любой момент взорвусь. Снова накрывает. Это ж надо было встретить ее. Съездил, называется, за бухлом в магаз с сестрой друга.

Два месяца, как мог, держался. В завязке от нее. Как ро-

бот, как винтик механизма. Не думать. Не сожалеть. Подыхал каждую минуту своей жизни, без нее подыхал… Твою мать! А она в машине, на заднем…

Затянулся сильнее, прикрыл глаза, выдохнул. Столько ненависти в глазах ее. Знаю, что не должен, знаю, что права не имею даже говорить, но пальцы сами собой набирают ее номер. К уху телефон приложил, внутри дрожит все, как у девственницы. С губ смешок слетает, а потом разочарованием накрывает. Это гадкое чувство все органы выжигает, в узел стягивает.

Абонент вне зоны доступа.

Два месяца уже вне зоны доступа. Будто меня это удивить должно, будто я не срывался, не набирал ее, желая голос услышать. Через неделю сорвался. Набухался тогда в хлам и позвонил ей, а она вне зоны доступа. С тех пор, как подорванный, каждую еб*чую ночь, лежа в кровати казармы, звонил ей. И каждый раз вне зоны…

Прикрываю глаза, растирая лицо ладонями. Воспоминания снова накатывают, и снова это удушающее чувство давит.

Два месяца назад

Сжимаю телефон в руках. Экран, как и буквы, расплываются. От нее пришло сообщение. Понимаю, что ничего хорошего, но надежда… долбанная сучка никак не отпускает. Дурак.

« Я забрал ее у тебя, неудачник. Я хотел этого с первого

дня, и это оказалось легче, чем я думал…»

Внутри все вскипает. Мои легкие горят, им мало места в грудной клетке.

Тварь! Какая же он тварь! Сука! Горло дерет крик. Хватаю первое попавшееся под руку, стул летит в стену.

– Илья! Эй!

За спиной стоят друзья. Музыка глохнет, девчонки испуганно жмутся к стенке, парни на стреме. Никто не подходит – боятся. Каждый их низ трясется, как щенок…

– Илья… – Марго появляется в дверях. Мой взгляд скользит по ней. Какого черта еще ей тут надо?!

– Я сказал тебе выметаться! Я сказал или нет?!

Она напугана, но упрямая, как моя мать. А я устал от этого спектакля.

– Илья, но…

Срываюсь к ней. Понимаю, что внутри так много боли, ее не удержать. Она сама виновата, сама пришла. Хватаю ее за рукав, разворачиваю и грубо выпихиваю из зала.

– Ай, больно!

– Отъ*бись уже от меня! Я сказал тебе, между нами ничего нет и быть не может!

Я видел, как она наслаждалась. Там, в баре, когда я нес эту пургу, когда отталкивал ту единственную, в ком вся моя жизнь, Марго кайфовала каждую минуту.

– Илья, твоя мама…

Она только что плеснула бензина во вспыхнувшее пламя.

И это не пожар, это чертов взрыв.

Схватил ее за ворот, встряхнул так, что едва не упала.

– Пошла на х*й и ты, и она.

Отталкиваю ее. А перед глазами снова сообщение от ублюдка Никиты. Вика с ним! Я сам, своими руками толкнул ее к нему!

Но она ушла… она не стала меня слушать, никогда, бл*ть, не доверяла! Как всегда решила проблему – перестала брать трубку! А когда я нашел ее… она была с ним… Бл*ть, он так смотрел на нее! Эта падаль волосы ее трогал, и я сорвался. Я думал, что уничтожу его… просто накрыло. Никто, никто не может трогать мое. Никто не имеет права, а он посмел. Этот наглый ублюдок, которому не раз говорилось об обратном.

Осознание происходящего накрыло. И это так охренительно больно, что разрывает. Изнутри разрывает на части.

Она ушла с ним.. тогда… Вика даже не поняла, какая он мразь, она стояла и смотрела на меня будто на животное… А я подыхал. Она обещала не оставлять. И оставила. Уехала с ним.

Я стоял и смотрел в след скорой и понимал, что я снова один. Что этот бл*дский мир продолжает проверять меня на прочность. А я так устал, я так за*бался. Сначала отец, теперь мать. Надоел вечный шантаж. Они все постоянно грозятся уйти. И я должен, я вынужден делать всякую херь, только бы сохранить что-то, только бы не остаться одному.

Я думал, она чувствует меня, понимает. Думал, что ее гла-

за никогда не посмотрят так на другого. Тогда ночью я ловил ее стоны и понимал, что впервые раскрылся перед кем-то. Перед ней. На полную раскрылся, грудную клетку вспорол и показал ей своей сердце. Все страхи свои, которые так тщательно прячу за стеной пох*изма.

Она не просто очередная, она та, что сердце мое вытащила, а потом за ненадобностью швырнула его в мусорный жбан.

Я поступил с ней как м*дак. Стоял и говорил эти гадости, видел боль в ее глазах, но понимал, что так лучше. Потому что я урод. И если останется со мной, сдохнет, как и я.

Через две недели мне в универ. Я буду в казарме, редкие выходные пару раз в месяц нас не спасут. Да я же с ума сойду от ревности, понимая, что рядом с ней тот ублюдок. Я сожру себя и ее. Я поступил правильно. Только так я мог позаботиться о ней.

Беру телефон в руки. Внутри пустота звенящая, сосущая. Снова это бл*дское сообщение. Каждая буква в мозг въедается, выжигает его, иссушает.

Хватаю бутылку, швыряю в стену. Громкий дикий крик разрывает уши. Они все смотрят на меня, как на дебила. Пусть валят. Я не хочу никого видеть.

Вижу боковым зрением, как кто-то срывается ко мне. Делаю это и только потом понимаю, что мой кулак врезается в чью-то челюсть. Боль ослепляет, но не приводит в себя. Я бью его, на меня налетают трое.

– Не трогай его! – кричит одному из них Птаха.

– Мразь! Угандошу! – хватаю телефон, размахнувшись, бью его об пол. Бью, пока все это не выходит. Пока хоть немного не попускает. А потом упираюсь лбом в грязный пол бара и вою от едкой боли внутри.

Я не могу. Без нее не могу. Перед глазами ее лицо заплаканное, ее губы искусанные.

***

С тех пор, как я все сломал, моя боль постоянно внутри. И когда совсем нет сил терпеть, я вынимаю ее. Я беру ее в руку и держу вот так, на ладони. Я сжимаю эту черно-серую грязь и швыряю о стену. Она расплескивается. Словно шар, наполненный водой, взрывается, марая все вокруг. Она ломает мебель, разбивает вдребезги стекла, и каждый осколок поражает точно и прицельно. Они все летят в меня. И тут уже не скрыться, не спрятаться. Ты просто подыхаешь от боли в луже собственной крови. Лежишь и смотришь остекленевшим взглядом перед собой, искренне не понимая, а что дальше? Зачем все вокруг, если ее нет? Если она с другим…

***

–Эй, брат, ты как?

Поворачиваюсь. Рядом стоит Птаха. Друг не сводит с меня напряженного взгляда.

– Там уже все бухие, ты чего тут завис?

Понимаю, что снова выпал из времени. В последнее время так бывает часто. Мозг сам подкидывает эти воспоминания

– Сижка есть?

Птаха хмурится, но вытягивает из кармана пачку.

– Мне Лизка сказала… это она была?

Киваю. Стискиваю кулаки, потому что даже говорить о ней больно.

Друг присаживается рядом.

– Брат…

Вместо ответа достаю из кармана новенькую банковскую карту. Открыл ее вчера. Протягиваю ему.

– Можешь перевести отсюда на тот счет, который нам кидали мои юристы…

Он кивает. Я читаю в его взгляде осуждение. Вот только мне все равно, кто и что об этом думает.

– Продал все-таки?

Затягиваюсь сигаретой.

– Да, вчера. Теперь выходные не скоро светят, поэтому спешил все вчера доделать…

– На чем гонять теперь будешь?

– Да есть колеса, – смеюсь его встревоженности. Ей богу, он как мамочка. Хлопаю ему по плечу.

– Не парься ты, все в порядке.

Птаха кивает.

– Марго звонила утром. Мать твоя …

Меня передергивает от одного только слова.

– Бл*ть, Птаха, я уже говорил, ничего и слышать не хочу ни об одной, ни о второй суке!

– Илюх, я все понимаю, но она же мать… а вдруг правда ей х*ево?

Я засмеялся.

– Ху*во? Да что, бл*ть, вы все знаете о том, что такое ху*во?!

Поднимаюсь на ноги, разминаю шею, чувствуя, как по венам пробегает лава.

– Она с ним, брат. Не надо тебе в это лезть. Я все сделаю, как ты просил, хотя уверен, что ты погорячился, – он приподнимает карту в руках. – Но не надо, слышишь? Реально, с ней ты психом конченым стал.

Я молчу.

– Я просто переживаю…

– Не пей много, брат, – перебиваю его, не желая дальше продолжать разговор. Тушу сигарету.

– И завра не опоздай в универ…

Поднимаюсь по склону к воротам его дачного участка. Захожу во двор – здесь шумно и многолюдно.

– А ты куда? – Птаха следует за мной.

– Прокачусь. Мозги развеять нужно…

У ворот под брезентом мой байк. Срываю ткань, осматриваю его. Это подарок от отца мне на восемнадцатилетие. Последние пару лет на тачке гонял, а он простаивал. Теперь привыкать нужно заново…

***

В тишине намного проще. Хочется, а не можешь ни на

ком свою злость выместить. Веду себя как дебил, срываюсь на всех, кто под руку попадется. Понимаю все, но не могу сдерживать зверя внутри себя.

Остановил байк посреди дороги. Мимо проносятся машины, прохладный ветер немного приводит мысли в порядок.

Достал телефон и набрал его номер. Друг ответил после нескольких гудков.

– Привет, Олег, слушай, номер один найти нужно. Осадчая Виктория Владимировна.

– Брат, пару часов нужно. Я сейчас не в офисе, вернусь и все сделаю.

Сбросил вызов. На пальцы свои смотрю – горят. Вспоминаю ощущения от касаний к ней. Когда за руку ее схватил, будто током шарахнуло. Как мальчишка стоял и не знал, что сказать, пока она сыпала обвинениями. Изменилась. Гнева в ней столько, злости. От этого еще красивее стала. Усмехнулся. Когда на х*р меня слала, так глаза горели, губы ее красные… бл*ть, ничем ее не вытравить уже. Ни одной заразой. Въелась, и будто так и надо, будто собирается остаться там навсегда.

Открыл чат. Админ скинул новую карту. Через полчаса начнется гонка. Нужно выплеснуть злость, иначе свихнусь. Пишу организатору сообщение: «Буду». Хотя бы так, с помощью адреналина должно стать немного легче.

Глава 4

– Я понять не могу, Вик, ты совсем себя не уважаешь, да?

Как только я села в машину к Нику, он набросился на меня. Отвернулась в сторону, мне не хотелось говорить с ним об Илье. И дернул ведь меня черт затеять этот разговор с Ольгой. Ник не вовремя зашел в кабинет и все понял, а потом, будто клещ в меня вцепился и не отстал, пока не выудил всю информацию.

И с тех пор, как квочка надо мной. Ходит и бурчит. Ей богу, треснуть его хочется.

– Ник, отвали, я серьезно. Давай я сама разберусь, с кем мне разговаривать, а с кем нет. В любом случае он больше не позвонит…

Ник усмехнулся. Да и плевать, пусть, что хочет, то и думает. Кому какое дело, что я чувствую и как себя веду? Черт, неделя тишины, только я стала отходить от нашей с ним встречи, как на тебе. В двенадцать ночи звонок. И пусть симка новая, и знать он этот номер никак не мог, а как только цифры его увидела, так сердце замерло. Разве есть что-то, что можно скрыть от Верха, если он не хочет?

Руки тряслись, когда вызов принимала. А он будто ни в чем не бывало. И голос такой тихий, грустный. Сердце кровью обливалось, так хотелось поговорить. Только я знаю: если дам слабину снова, он опять вытрет об меня ноги. Сбросила вызов и номер его в черный список, а потом всю ночь глаза не смогла сомкнуть. Руки так и тянулись к телефону.

Мы едем в тишине. Ник сегодня тоже уставший, озадаченный какой-то. Из-за его занудства по поводу Верха мы так

нормально и не поговорили. Он слишком печется обо мне, знаю, что хочет лучше, но его внимание порой напрягает.

– Вик, не дуйся, – он кладет руку мне на колени. Я поворачиваюсь к нему. Ник выглядит расстроено. Уверена, уже раз сто пожалел о своей несдержанности.

– Ты как старая бабка, честное слово, – смеюсь и тянусь к ручке на двери.

– Отец дома? Может, фильм какой посмотрим вместе? Не хочется домой…

– У тебя все в порядке?

Ник хмурится, отводит взгляд в сторону.

– Да, в полном. Просто это не тот порядок, о котором я мечтал, – его губы кривятся в улыбке.

– Не хочешь поговорить?

– Хочу просто побыть с тобой, Вик…

– Сегодня созванивались с Настей. Они с Киром зовут в клуб. Я уже согласилась.

Я переживаю за Ника. Вижу, что ему нужно побыть со мной наедине, поговорить. Но и Насте я отказать не могу. Подруга итак обижена на меня, не хочу портить с ней отношения вконец.

– Поехали с нами? Встречаемся там в десять?

Ник молчит, нервно тарабанит пальцами по рулю.

– Окей, давай так.

***

– Вик, больше не делай так, – подруга обнимает меня. Я

закрываю глаза, и мы двигаемся под музыку. Сейчас мне хорошо. Алкоголь позволяет не думать, позволяет отпустить себя и перестать сомневаться.

– У меня был сложный период. Проще было так. Пережить все в одиночку.

Она смотрит на меня прищуренно, но ничего не отвечает. Через один трек Настя говорит, что хочет передохнуть. Она возвращается к парням за столик. Я вижу, как она садится на колени к Кириллу, а тот прижимает ее к себе и целует. Улыбка кривит мои губы. Какой дурой я была. И почему не хотела видеться? Почему грузилась, думала, что буду чувствовать себя ущербной рядом с их счастьем? Вот они, насмотреться не могут друг на друга, а у меня душа ликует оттого, насколько она счастлива. Настя ведь достойна этого, каждая из нас достойна.

Ника нет за столиком. Может, он у бара? Ой, да плевать. Он так и не рассказал мне, по какому поводу расстроился сегодня. Закрываю глаза, поднимаю руки вверх. Трек, который играет сейчас, невероятно чувственный, он заставляет мою кровь полыхать огнем. Или это руки, которые обвивают меня за талию или это горячее твердое тело, которое только что прижалось ко мне из-за спины и движется со мной в такт?

Мне нравится то, как парень трогает меня. Мы продолжаем двигаться, и каждое касание горячих пальцев к оголенной коже посылает по телу цунами. Понимаю, что должна уйти, но мне это так нравится. Мне хочется хотя бы на несколько

минут перестать быть правильной. Хочется испытать, какого это – быть плохой девочкой.

Я завожусь. Низ живота плавится в приятной истоме, я запрокидываю голову назад, ему на плечо. Ник. Наверное, алкоголь ударил ему в голову, раз он творит такое. Или слова Андрея были правдой и Ник испытывает ко мне намного больше, чем дружеские чувства?

Одной рукой он прижимает меня к себе, а вторая скользит по внутренней части бедра, уверенно и неспешно пробираясь к самому горячему местечку. Меня мурашит. Вокруг нас люди, а мы посреди танцпола вдвоем… Его пальцы убирают волосы с моего плеча, а потом я чувствую, как его губы касаются моей кожи. Я дрожу, прижимаюсь к нему сильнее, желая почувствовать больше. Я так сильно пьяна, что меня не волнует ничего, кроме этих ощущений.

Его язык скользит по нежной коже моей шеи, пробирается вверх, и когда я едва ли не дрожу от желания, на ухо раздается его шепот.

– Я так сильно скучал…

Этот голос, он словно ушат ледяной воды и одновременно с этим он будто ожог кипятком. Мне плохо, я распахиваю глаза, оборачиваюсь и в следующую секунду умираю, потому что рядом со мной ОН. Это от его горячих пальцев я только что сходила с ума, это его серые глаза сейчас смотрят на меня так, словно готовы сожрать в любую минуту.

– Ты?! – срывается с губ рычание, а его губы кривит наглая

улыбка. Он до чертиков доволен собой.

– Иди сюда, я еще хочу, – произносит с ленивой улыбкой. Илья пьян, и я чувствую, как горю. Только уже не от желания, от злости.

Разворачиваюсь, желая уйти к столу. Думаю о том, что Ник – козел. Почему он не подошел ко мне? Уверена, он видел, что Илья со мной на танцполе.

Но стоит мне поднять глаза к столику, я замечаю Ника, сидящего на стуле. Его обступила парочка бугаев, один из которых Птаха. Ник смотрит на него, что-то цедит со злостью. Ну конечно, этот неандерталец же по другому не может! Только силой! Только убирая всех на своем пути.

Я делаю шаг, но Илья хватает меня за руку. Он резко тянет на себя, уводя в сторону. У меня нет столько сил, чтобы сопротивляться. Моя голова кружится, и он такой сильный. Прихожу в себя только когда он толкает меня в стену. Его руки упираются о твердую поверхность поверх моей головы, его губы прямо напротив моих. Между нами считанные сантиметры, и сейчас, вдыхая его запах: смесь парфюма и сигарет, я с ума схожу.

– Нам нужно поговорить, тебе так не кажется?

Произносит, обхватывая одной ладонью мое лицо. Он ведет пальцем вдоль линии скул, а я дрожу. Не хочу показывать ему своей реакции. Отворачиваюсь, но Верх наклоняется, касается губами моей кожи. От этого еще больнее.

Вдруг весь дурман растворяется, уходит. Моя боль снова

на поверхности. Только я начала жить, только у меня стало что-то получаться без него.. И он вдруг появляется снова. Прав был Ник: Илья не оставит меня в покое, пока всю душу не вытряхнет. Пока не заставит снова страдать.

– А мне казалось, мы все друг другу сказали, Верх. Чего тебе надо?!

Он прижимается ко мне всем телом. Я чувствую, как громко бьется его сердце, чувствую его стояк, который упирается мне в живот. Его губы на моих ключицах, я дрожу, и он чувствует это… Он каждое мое слабое место знает. И сейчас бьет по нему, точно бьет.

– Я скучал, мелкая… Ты даже представить себе не можешь, как мне херово..

Я не знаю, кто это говорит: настоящий Илья или алкоголь в нем. Его слова ранят сердце. Разбивают его опять и опять, заставляя острые осколки впиваться в ткани. Мне больно, глаза застилает пеленой. Я так хочу, чтобы это было правдой. Чтобы он любил меня, чтобы у нас был шанс. Но это же Верх. Он здесь просто потому, что вдруг так захотел. Решил снова поразвлечься, поиграть, а потом снова сделать больно.

– Тебе не стоит обо мне скучать.

Он хмурится. Отстраняется, в его взгляде появляется злость.

– Ты с ним? Это правда? Он тебя не достоин.

Я молчу. Хочется спросить у него о той девушке Лизе из машины. А еще лучше о Марго, которая так упорно разби-

вала наши отношения. Но я не собираюсь унижаться и показывать ему, что мне есть до этого какое-то дело. Я удерживаю его взгляд, несмотря на то, что в душе погибаю.

– А кто достоин? Помнится мне, ты сказал, что я серая мышь и такому, как ты…

Я не успеваю договорить. Он зажимает мне рот ладонью. Упирается в мой лоб своим, кривится.

– Я долб*еб. Я знаю, Вик. Я сорвался, разозлился, что ты ушла… Я думал, что сделаю так лучше нам обоим…

Он отворачивается, продолжая удерживать меня. Словно слова пытается подобрать.

– Я просто знаю, если бы не сделал больно тогда, позже было бы намного хуже…

Его слова будят во мне настоящее цунами. Какой герой! От боли он меня спасти хотел. Растоптал, унизил, отверг. Сделал так, что я до сих пор не смогла в себя прийти, оправиться. Он прилюдно выбрал другую, а сейчас прикрывается добродетелью.

– Раз ты такой герой, так какого черта меня трогаешь сейчас?! Не помню, чтобы вешалась тебе на шею, не помню, чтобы хотя бы какие-то знаки оказывала!

Ему больно. Мне тоже. Пусть получает, полезно будет. Боль отрезвляет, она позволяет прийти в себя, сбросить розовые очки и посмотреть на этот мир здраво.

– Хватит врать! Хватит выгораживать себя! Что значит потом мне будет больно?! Что это вообще за чушь? Когда

люди любят друг друга, они вместе, они не думают о «больно» и «потом».

– Да я в казарме торчу сутками! Я выйти не могу, раз в две недели, и то, если косяков не будет! И так еще пару лет! Как мы построим отношения, если даже будучи рядом не доверяли друг другу! – он кричит на меня.

– Ты не доверяла мне! Ты поверила моей матери, ты закрылась и нашла утешение в другом чуваке! И как я должен был чувствовать себя, когда нахожу тебя, приезжаю за тобой в клуб, а ты выходишь с ним под ручку?!

– Нет-нет! Не делай этого, Илья! Не смей сваливать всю вину на меня!

Я зла. Боже, как я зла на него! Просто видеть не могу его глаза лживые! Он как маленький избалованный мальчик. Бросил игрушку, отдал ее. А теперь, когда нашел снова, вдруг вспомнил и решил вернуть?!

– Хочешь правду? Тебе было всегда плевать на меня. Ты трус, Илья. Ты можешь только кулаками махать без разбору, вместо того, чтобы решить проблему, как взрослый человек. Ты напугал меня тогда. Ты так сильно бил его, я думала… – мой голос срывается. Мне хочется плакать, потому что даже воспоминания о том вечере приносят мне невыносимую боль.

– Нельзя драться при девушке… Нельзя… Умный человек не станет просто так махать руками.

Он смеется. Наконец-то выпускает меня из рук. Отвора-

чивается, запускает ладони в волосы. А меня сгибает пополам. Такой он сейчас потерянный, такой любимый. Смотрю на его плечи, на руки его, исполосованные рисунками. На морщинку меж бровей и понимаю, что ни на грамм меньше не стала любить. Каким бы он ни был, он – мой. А я – его. Вот только это все равно ничего не меняет.

Я пытаюсь уйти, но он ловит меня. За руку хватает, по запястью пальцем ведет и в глаза мне смотрит. Так пронзительно смотрит.

– Драка – это всегда страшно, – произносит тихо, сдавленно.

– Многие парни избегают драк. Они стараются убедить, что бой – это плохо. Но я согласен. Бой – это больно, дерутся психопаты. Но большинство парней избегают их. Потому что боятся узнать о себе правду. Боятся оказаться слабыми, а не теми, кого они возомнили о себе…

Его губы кривит улыбка. Его слова – это камни в Ника. И меня злит, что он переворачивает ситуацию с ног на голову. Меня злит то, как он пытается унизить его в моих глазах. Это низко. Илья так ничего не понял. Да и не собирается это делать.

– Пошел ты к черту, Илья, – цежу сквозь зубы. – Не подходи ко мне и не трогай!

Я вижу, как меняется его выражение лица. Как от былой открытости не остается и следа. В его глазах теперь злость. Но мне плевать.

– Ты красиво говоришь, а по факту ты кинул меня. Теперь я с Ником. Прими это как факт, тем более ты выбрал Марго, ну так вали к ней!

Вырываю руку из его хватки. Мне нужно как можно быстрее убраться отсюда. Чтобы не видеть, не чувствовать, чтобы не дать слабины. Мое израненное сердце в груди желает совсем другого. Но я не слышу его, я запрещаю себе.

– Вика! – раздается его громкий утробный крик. Я вздрагиваю, ноги врастают в пол.

Оборачиваюсь. И дыхание перехватывает от того, что я вижу: Воспаленные глаза, искаженные в гримасе боли губы. Он хватается за волосы, он смотрит на меня так, будто с моим уходом закончится его жизнь.

– Я исправлюсь, слышишь?! Да, я виноват. Я полностью виноват, но не делай этого, мелкая… мы должны быть вместе!

Моя душа кричит, стонет. Мне хочется броситься к нему в объятия. Хочется поверить ему, хочется быть с ним. Но я знаю точно, что не хочу больше того, что пережила за эти пару месяцев. Если он снова бросит меня, я не смогу пройти этот ад заново. Не выдержу. Не потяну. Я не откроюсь ему, как бы сильно не любила. Плохие мальчики не умеют быть верными. Плохие мальчики играют, а мне не хочется растрачивать себя.

Голос севший, но я держусь из последних сил. Я стараюсь звучать уверенно, чтобы поверил. Чтобы больше не искал

встреч.

– Не надо. Если не хочешь заставить ненавидеть тебя еще больше, просто не трогай меня. Отпусти.

Он кривится. Ему больно. Закусывает нижнюю губу, отворачивается. Он стискивает пальцами виски, пытаясь переждать. А я стою и смотрю на его спину, на плечи широкие, на руки крепкие, и понимаю, что сама не знаю, как поступать. Вроде правильно все, верно. Но отчего так тошно-то и кричать хочется?!

– Уходи, Вика, – кивает, будто мыслям своим. – Только знай, что я тебя жду. Всегда жду.

И я ухожу. Слышу, как раздаются глухие звуки ударов его кулаков о стену. Как кричит он, сам на себя кричит. Ухожу, не глядя, не оборачиваясь. Давлюсь истерикой, размазываю по лицу слезы, но выбегаю на улицу и вдыхаю полной грудью. А потом кричу. Громко, до хрипоты. Выплескиваю боль, отпускаю ее. Только она не выходит, вся не выходит. И даже когда рядом оказывается Ник, мне ни капли не легче. Он говорит что-то, пытается успокоить. Он обнимает и ведет к машине. А мне не нужен он. Не его руки хочу чувствовать, не его голос слышать.

Это никогда не пройдет. Если бы Верх послал меня, если бы так и остался в моих глазах подонком, мне было бы легче. Но его последние слова… они еще больше ранят. Они заставляют сомневаться, а это самое страшное для меня.

Глава 5

– Вик, совещание через пятнадцать минут. Идем на перекур? – Оля все утро мешает мне разговорами. То кофе попьем, то чай новый попробуй. Теперь новое занятие нашла.

– Оль, прости, но нужно успеть апелляцию написать…

Продолжаю вчитываться в документы. Вижу краем глаза, как девчонки шушукаются между собой.

– Ну, смотри, – усмехается Оля. – Никитос уедет, и останешься совсем одна. Не с кем будет на перекуры ходить…

– В смысле уедет? – поднимаю на нее удивленный взгляд.

Лиза расстроено вздыхает.

– Уезжает наш красавчик через месяц во Францию.

– Во Францию?

– В рамках бизнес-форума его берут как участника. Гляди, и международником станет… – смеется Оля.

Я не знаю, что и ответить. Сижу и пялюсь на Лизку. И словно по заказу, в этот момент в кабинет входит Ник с улыбкой до ушей. Наглым образом заскакивает ко мне на стол.

– Вик, ты идешь курить? Совещание скоро, – он убирает за ухо сигарету.

Так вот почему он все это время такой нервный.

– И надолго ты во Францию летишь?

Парень меняется в лице. Спрыгивает со стола, опираясь о него руками,

– Вик, прости… я хотел сказать.

Мне неприятно, что я узнаю все вот так, последней. Девчонки явно наслаждаются представлением, поэтому я решаю

не продолжать дальше наш разговор.

– Все в порядке. Я ведь все равно узнала, – улыбаюсь ему. – Прости, Ник, но мне документ до совещания закончить нужно. Покурим позже.

Ник хмурится. Не отходит от стола, понимая, что я обиделась. Но девчонки не дают ему возможности продолжить разговор.

– Ник, идем с нами. Пусть наш трудоголик и дальше корпит, – хохочет Оля. Ник мнется. Я вижу, что ему не хочется уходить. Но он умный парень и понимает, что сейчас стоять надо мной бесполезно. Я все равно не стану с ним говорить.

Я стараюсь не думать не о чем, кроме работы. Мне неприятно, что он все это скрывал от меня. Почему не сказать мне раньше? Уезжаешь – так просто скажи. Всего пару слов, разве это сложно? Мы ведь не пара, в конце концов, чтобы убиваться. Верно? Вот только все равно отчего-то больно, хотя понимаю, что и злиться на него не имею права.

Совещание проходит как в тумане. Шеф нарезает задач всему коллективу. Все это время Ник не сводит с меня напряженного взгляда. Мне неуютно под ним и бесит, что все остальные тоже его замечают. Я не хочу, чтобы к нам приковывалось чье-то внимание.

Знаю, что Ник будет осаждать меня, и радуюсь, когда по завершении совещания шеф просит его задержаться. Воспользовавшись моментом, убегаю в свой кабинет.

Хочу быстренько собрать все документы и отнести апел-

ляцию в суд. Как раз прокатаюсь до конца рабочего дня и здесь уже не появлюсь. Мне нужно немного пространства и времени. Мне нужно переварить новости о Никите, чтобы не ссориться с ним и не обижаться.

В сумке начинает вибрировать телефон. Тянусь за гаджетом, а когда вижу имя отца на экране, начинаю нервничать. Он никогда не тревожит меня во время рабочего дня. Знаю, что папа будет звонить, только если что-то случится.

– Да…?

– Вик, привет! Не пойму, что происходит. Только что позвонили из банка и сказали, что весь долг погашен.

Папин голос звучит взволнованно. Я совершенно ничего не понимаю из сказанного им.

– Как погашен? Когда?

– Я сам ничего не понял, переспросил у девушки. Она сказала, что последний платеж прошел неделю назад. Заплатили даже с лихвой, что на счету лишние пять тысяч остались.

– Подожди, я ничего не понимаю… как такое может быть?

– Вот и я не пойму, думал, может, ты забежишь в офис, да еще раз все узнаешь? Вдруг мошенники какие…

– Хорошо пап, я все сделаю.

Сбрасываю вызов и несколько секунд сижу в полной прострации. А потом единственный ответ вдруг вспыхивает в мозгу. Нет, этого просто не может быть! Внутри меня все противится этому. Я хватаю со стола пачку сигарет и спускаюсь вниз по лестнице. Мои пальцы дрожат, когда я заку-

риваю. Никотин царапает горло, я прикрываю глаза, пытаясь унять бешеное сердцебиение. Это ведь огромная сумма! Шестьсот тысяч. Откуда? Кто, если не он?!

Пальцы сами собой порхают по экрану. Если не узнаю сейчас, то с ума сойду. Набираю номер Вани. Знаю, что он скажет все как есть.

– Да, – раздается недовольно-удивленное в динамике.

Выдыхаю дым и собираюсь с мыслями.

– Что он продал?

Птаха молчит. И это его молчание красноречивее любых слов. Внутри меня все дрожит, к глазам подкатывают слезы. Я запрокидываю голову вверх и прикрываю глаза.

– Машину, – раздается сдавленное в ответ.

Киваю. Пытаюсь осознать, принять правду. Меня распирает изнутри. Счастье, шок, злость – так много всего, что я не могу это держать в себе. Мне нужно выплеснуть, нужно все отдать, чтобы стало хоть чуток легче.

– Где он?

Птаха смеется.

– Там, где и я. В универе.

– Как мне его увидеть?

Парень вздыхает. Я знаю, он не хочет, чтобы я появлялась.

– Птаха, пожалуйста. Очень надо…

Слышу, как он чертыхается.

– Он дежурный сейчас по столовой. Подойди на КПП, скажи, что к Верховскому, я ребят предупрежу.

– Спасибо тебе.

– Я ему не буду говорить. Мало ли, вдруг передумаешь, а он тут места себе не найдет.

***

Это высокое серое здание в пять этажей. Корпус, где находится главный вход в институт, выглядел устрашающе. Справа были серые высокие ворота с надписью огромными белыми буквами ПРОПУСКНОЙ РЕЖИМ. Рядом с ними находилась толпа парней в форме. И пока я шла к дверям КПП, все шестеро ни на секунду не отводили от меня взглядов. Ей богу, я чувствовала себя сочным бифштексом, который окружен голодными львами.

Стараюсь двигаться быстро. Забегаю по кованым ступенькам наверх, захожу в дверь.

Здесь небольшое помещение, разделенное на две части высокой железной перегородкой. Справа небольшое окошко, рядом с которым стол. За ним сидят двое парней. Они заняты телефонами, но как только я захожу внутрь, тут же поднимают на меня глаза.

– Здравствуйте, – выдыхаю еле слышно. Он волнения пересохло в горле. Телефон в кармане начинает вибрировать. Это Ник. Сбрасываю вызов, а когда поднимаю глаза на курсантов, встречаюсь с их смеющимися взглядами.

– Вы не заблудились? – спрашивает тот, что повыше. – Если да, то я несказанно счастлив, – он опирается локтем

о стену, по всей видимости, думая, что от этого смотрится брутально.

– Нет, я к Верховскому Илье, мне сказали, что он подойдет сюда.

– К кому? – усмехается наглец, а второй дергает его за рукав.

– Эй, Птаха звонил. Она к Верху, девушка его.

Парень меняется в лице. Расстроено вздохнув, тянется к мобильному.

– А я-то уже думал, счастье мне улыбнулось… – он набирает номер и прислоняет гаджет к уху. А потом поднимает на меня хитрый взгляд.

– Или все-таки улыбнулось? Может, на хер Верховского, а? Я лучше, – улыбается до самых ушей.

Я смеюсь.

– Прости, но придется тебя огорчить.

Он хмурится.

– Красотка, у тебя просто отстойный вкус на парней.

Я не отвечаю. Подхожу к окну, обнимаю себя за плечи в его ожидании. Курсант зовет Илью на КПП, говорит о том, что у него посетители. Радуюсь, что не произносит слово «девушка». Не хочу, чтобы Илья заранее знал, что это я.

Дверь в КПП со стороны двора открыта, и я слышу приближающиеся шаги и голоса парней. Их человек пять, но мой слух цепляется только за один. За хрипловатый, за самый мелодичный и мужественный, от которого по коже му-

рашки бегут и ноги становятся ватными. Мне так страшно и так волнительно. Я не знаю, как он воспримет мой приход после всего того, что я наговорила… Не знаю, нужно ли ему мое спасибо.. Но я хочу это сделать… Сказать, глядя ему в глаза.

В комнатку заходят двое курсантов. Первый блондин, незнакомый мне.

– Костян, что хотел?

Тот, что улыбался мне, поднимает глаза на вошедших.

– Верх, там к тебе пришли.

Блондин пропускает Илью. Верх поднимает глаза, и наши взгляды встречаются. Мое сердце рвется на куски. Я стою как вкопанная и слова вымолвить не могу. Смотрю ему в глаза, и мне хочется разрыдаться. Высокий, в курсантской форме, он смотрится так непривычно правильно. Верх поправляет кепку за козырек. Похудел немного. Его глаза ни на секунду не отпускают моих. Он хмурится, а когда подходит к решетке, разделяющей нас, я читаю дикий восторг в его глазах.

– Малая? – хрипло, вскинув бровью вверх. Улыбаюсь, не знаю, с чего начать.

Мы стоим рядом друг с другом, нас разделяют считанные сантиметры и высокое железное ограждение до самого потолка.

Пожираю его, не могу насмотреться. В форме он такой мужественный, ни капли на бандита не похож. Губы Ильи

кривит улыбка, робкая, неуверенная. Он будто и не верит, что это я.

А потом вдруг хмурится.

– Что-то случилось?

Я киваю. Мне просто жизненно необходимо почувствовать его, притронуться. Тянусь к ограждению, просовываю руку в пространство между прутьев. Тянусь к его лицу. А он к руке моей. Кладет скулу на мою ладонь и глаза прикрывает. Веду пальцами по его коже, а саму лихорадит. Не могу больше, не могу держаться подальше. Не могу жить без него.

В этот момент все перестает существовать. Нет КПП, нет нескольких курсантов, следящих за нами во все глаза. Нет ни Марго, ни его матери, нет Ника – все пустое. Есть его горячая кожа, его дыхание, опаляющее мое запястье, и его руки, держащиеся за прутья. Он будто упасть боится, так вцепился в них и глаз не открывает.

– Спасибо тебе, – слетает на выдохе. Голос ломаный. Ком поперек горла встает. Он распахивает глаза, хмурится. А потом понимает, о чем я.

– Ты не должна об этом думать. Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо, Вик, – хрипло, сдавленно.

Боль в его глазах буквально плещется. Она окатывает меня, заставляет захлебываться, лишает кислорода легких.

– Но ты продал машину… ты ведь так любил ее. Ты делал ее три года. Она – все, что у тебя было.

Илья усмехается. Грустная улыбка кривит его губы.

– Она значила для меня много, но не столько, сколько ты…

– Илья! Ротный идет, давай быстрее!

Верх оборачивается к парням.

– Сейчас!

Я понимаю, что ему нужно уходить, но мне так много хочется сказать. Так сильно хочется обнять, почувствовать его… Он за руку меня хватает, сжимает ее сильно, в глаза мои смотрит. Протягивает руку, касаясь пальцами моих губ.

– Илья! – раздается с улицы.

Он молчит. Жадно всматривается в мое лицо.

– Мне так не хватает тебя… Вик. Очень.

Прикрываю глаза, потому что из них текут слезы.

– Эй, не плачь, а то я хер забью на все. Просто оторву с корнями долбанную железку и с тобой уйду, – смеется.

Мне становится страшно. Я ведь понимаю, что сделает! Этот сумасшедший обязательно выполнит свое обещание. Тогда я стираю рукавом слезы с лица, улыбаюсь.

– Только попробуй, я тебя брошу сразу, понял?!

Он удивленно выгибает бровь.

– Так ты прощаешь меня? – его рука еще крепче сжимает мои пальцы.

Отрицательно качаю головой. А на губах улыбка.

– Мне всегда нравились мальчики в форме. Я бы повстречалась с таким, – пожимаю плечами.

На его губах появляется улыбка. Счастливая до одури. И

эта ямочка на его щеке, к которой так и хочется прикоснуться губами.

– Прости, мелкая. Но мне пора.

– Иди, – киваю.

Он отходит, наши руки больше не держат друг друга. Верх посылает мне воздушный поцелуй. Я смотрю на то, как он пятиться к выходу, как прикладывает руку к уху, показывая, что будет звонить. Мне больно, и вместе с тем я готова кричать от восторга. Мы вместе… мы обязательно будем вместе. Сейчас я наконец-то могу отпустить свою обиду, но не его.

Я не готова перечеркнуть все и быть сильной, как велел того Ник.

Я готова начать заново, если он пообещает измениться. Ради нас он сделает это… человек с таким сердцем, как Илья, сможет. Я верю в него. И в нас верю.

Глава 6

«Этот придурок вытащил твое фото из моего кармана. Мелкая, лучше тебе не знать, за каким занятием я застал его…»

Прыскаю со смеху и тут же прикрываю рот. Шеф бросает на меня хмурый взгляд. А следом за ним все сотрудники. Прячу телефон в карман, делая вид, будто внимательно слушаю его речь.

Сергей Владимирович сегодня не в духе, и влетело абсолютно всем, даже нашей звезде Нику. Три дела из шести мы проиграли. И это потеря огромных сумм. И что теперь де-

лать? Честно? Мне вдруг стало плевать на все. Последнюю неделю я погрязла в телефоне. В буквах, в словах, в рингтоне сообщений. Меня мало что трогало, кроме его слов.

Мы постоянно были на связи. Двадцать четыре на семь. Такое ощущение, будто наше расставание длилось не два месяца, а два года. Мы болтали о чем угодно, без конца обменивались фотографиями. Два дня назад я фотографировалась на удостоверение помощника адвоката. И Илье так понравилась моя фотка, что он уговорил меня привезти ее.

Для того, чтобы карточка попала к адресату, он целую операцию организовал. Птахе пришлось договариваться с курсантами, чтобы встать в тот день на дежурство на КПП. Сам Илья не мог, потому что был эти пару дней на учениях в полях. Вечером того дня он вернулся, и Птаха вручил ему фотку. Вот Верх и носит ее в кармане. А тут такой ужас, прошлой ночью фотография пропала. Он весь день нервничал, искал. И нашел…

Снова захотелось засмеяться. Боже, бедные парни, они ведь там, в запертом пространстве, без девушек. Представляю, как досталось бедолаге, решившему свинтить мою фотку и… надругаться над ней в душе… Зная Илью… не завидую ему.

– Все свободны. И хочу предупредить, если к концу следующей недели вы не исправите положение, мы пойдем по миру…

Все молчат. Только стулья скрипят о пол, пока все подни-

маются и направляются к выходу. Я вылетаю первой. Оказавшись в коридоре, принимаюсь набирать сообщение.

«Надеюсь, ты его не побил? Будь добрым, у тебя есть я, а у него…только украденная фотка…»

Хохочу, как дурочка, но вдруг замечаю, что передо мной кто-то стоит. Когда поднимаю глаза, едва не ойкаю от испуга. Ник окидывает меня хмурым взглядом.

– Опять Настя? – в его голосе недовольство? Я даже оскорблена.

– Да, она.

Прохожу мимо него в кабинет и устраиваюсь за стол. Ник идет следом.

Телефон снова вибрирует.

«Он рыдал , как сучка».

– Вик, – вырывает из раздумий Ник. Я поднимаю на него глаза.

– Мы сегодня идем в бар? Или у тебя планы с Настей?

Сейчас спрошу.

Набираю сообщение Илье и буквально кожей ощущаю напряженный взгляд Ника. Он жутко бесится. Понимает, что я вру. Но я не говорю ему об Илье. Так же, как и с Ильей, избегаю разговоров о Нике. Верх несколько раз пытался завести тему, но я не хочу его нервировать. Прекращать общение с Ником я не собираюсь. Он мой друг, он был со мной в сложное для меня время. Поэтому придется этим двоим как-то сосуществовать вместе.

Я знаю, что трудности будут. И когда Ник увидит меня с Ильей, будет дуть губы. Но я не хочу думать об этом сейчас. Я счастлива.

« Что с выходными? Тебя отпускают?»

Отправляю, а у самой сердце замирает.

Ответ приходит через пару секунд.

«Нет, мелкая. Я застрял с долбанными учениями».

Все опускается внутри. Смотрю на Ника, он болтает с девчонками. Знаю, что глупо расстраиваться. Теперь у нас так и будет. Его выходные будто праздник. Но я знала, на что шла. И это совсем не проблема.

Сегодня проведу вечер за футбольным матчем. Да и Ник скоро уезжает, побуду с ним подольше.

– Никит…

Девчонки, все это время заворожено слушающие Ника, вдруг начинают смеяться, а он окидывает меня прищуренным взглядом.

– А вот сейчас только попробуй сказать, что динамишь меня сегодня. Девочки тоже с нами идут…

Перевожу взгляд на Олю, она едва ли не скачет от радости. Да уж. Вечер будет что надо.

***

Здесь весело. Ник и Андрей, как всегда дурачатся. С нами еще двое новых парней и Лиза с Олей. Не знаю, почему вдруг сегодня Ник соизволил пригласить девчонок. Но видеть счастливое лицо Лизки стоит того.

Она даже впервые накрасилась. И волосы распустила. На работе все косы да хвосты, а тут красавица такая. Всем классно, и футбол сегодня далеко не на первом месте. Вот только я чувствую себя как-то странно. С ребятами всегда легко, они для меня родные. А сейчас я впервые скучаю. Глаз не свожу с телефона, от него уже четыре часа ни звонка, ни сообщения.

В зале вдруг вскакивают со своих мест. Все начинают кричать и прыгать, на плазме показывают повтор гола, забитого Сливочными Барсе. Возвращаю взгляд к телефону, провожу пальцем по его фото. Улыбчивый мой. Сидит у стены в фуражке набекрень. Между губ сигарета, и взгляд такой… раздеться хочется и наброситься на него. Дико скучаю… пальцы зудят от желания коснуться его, обнять. Неделю еще… Только через семь дней ему дадут выходной. И мне кажется, эта неделя будет невероятно долгой!

– Вик, ты чего? – со спины обнимает Ник. Я прячу телефон экраном вниз.

– Пацаны в клуб собрались. Ты как? Идешь?

Мне не хочется никуда. Реально, хоть сиди и вой от тоски.

– Подруга, я сегодня Лизу обещал потанцевать сводить. Ты же не будешь против?

Я удивленно поднимаю на него глаза.

– А должна? – нервно усмехаюсь. Не понимаю его действий. То даже не смотрел на девчонку, а теперь такой вни-

мательный ухажер.

Ник пожимает плечами.

Что-то мелькает в его взгляде. Еле заметное и не понятное мне. Но я не обращаю на него внимания, потому что в этот момент в руках начинает вибрировать телефон. Сердце подскакивает к горлу. Пальцы дрожат, и я несколько раз провожу по экрану, пытаясь снять блокировку.

А когда прочитываю сообщение, глазам не верю.

«Выходи на улицу».

Что?! Как?! Куда? Он знает, где я? Или думает, что я дома?

Боже, в голосе сотни мыслей, я начинаю набирать ему сообщение, а потом сама себя останавливаю. Ну уж нет. Это ведь Илья. Как я могла подумать, что этот неандерталец оставит хоть немного свободного пространства для меня?! Конечно же, нет. Он знает про меня все.

Смеяться хочется от счастья. Хватаю куртку с вешалки.

– Ребят, мне нужно отойти. Не теряйте, – бросаю через плечо и бегу к выходу.

Когда попадаю на улицу, оглядываюсь по сторонам. Ей богу, внутри такие ощущения, будто Новый год сейчас, а мне пять лет. И я жду обещанную дедом Морозом игровую приставку! Или новую Барби. Или огромного плюшевого кота! Я жду чуда. И оно случается.

Спустя несколько мгновений прямо передо мной на обочине дороги тормозит мотоцикл. Парень, сидящий на нем,

стягивает шлем, и мое сердце в этот момент совершает кульбит.

– Эй, Вик! – раздается за спиной, когда я уже хочу сорваться вниз по ступенькам,

Оборачиваюсь. На крыльце стоит Ник.

– Ты куда собралась? – хмурится, смотря на Илью. Видимо, в этой экипировке он его не узнает.

Машу ему на прощание и срываюсь к Верху. Приближаюсь, до последнего не веря, что это он. Но нет. Улыбка, от которой кричать от счастья хочется, глаза с хитрым прищуром, ни на секунду не отпускающие моих.

– Такси заказывали? – хриплый родной голос. Он улыбается, а я на шею ему бросаюсь и целую его.

Глава 7

Илья

Я не мог поверить собственным глазам. Держал ее в руках, ее тонкие плечи обнимал, в глаза ее огромные смотрел, полные слез и счастья и понимал, что даже подвернутая нога перед марш-броском не значит ни хера. Все отдам, только бы и дальше так смотрела, только бы и дальше отдавалась с таким желанием моим губам.

– Тебя отпустили? Как ты нашел мня?

Отстраняется, смотрит удивленно. А я бросаю взгляд ей за плечо. У здания бара тот самый недоумок. Сука, от одного только вида его трясет. Но сейчас мне пох*й на него… Вика со мной. И так будет всегда.

Телефон вибрирует. Птаха.

–Сейчас, мелкая, – помогаю ей усесться на байк, прикладываю трубку к уху.

– Ну, че там?

– Чуть не спалили, – ржет Ванька. – За малым ротному не попались на глаза. Брат, в пять утра буду ждать у входа. Дежурным поставили Кравченко, нормальный мужик. Литр водяры и договоримся.

Уже было сбрасываю вызов.

– Эй, брат. Вы там только хату мою не разгромите. И кровать не сломай, – ржет как конь.

Улыбаюсь, подмигивая малой. Вика в это время задумчи-

во крутит в руках шлем.

– Иди к черту, братан.

Сбрасываю вызов и помогаю ей застегнуть ремешок шлема. Перед тем, как опустить забрало, целую ее сладкие губы.

– Держись крепче.

Усаживаюсь на байк и газую. Вика обвивает руками мою талию, изо всех сил прижимаясь к моей спине. И когда мы срываемся с места и мчим по дороге, я чувствую себя самым счастливым сукиным сыном.

– Ты в порядке? – как только слез с байка, принялся стягивать с нее защиту. Она выглядела какой-то притихшей, испуганной, что ли.

– Немножко непривычно… – проговорила со смущенной улыбкой.

Я помог ей слезть с мотоцикла. Вика отошла на шаг, осмотрелась по сторонам.

– Где это мы? – она посмотрела на меня с опаской. Приблизился к ней, притянул к себе за талию, уткнувшись носом в пушистые волосы. Вдохнул ее запах. Родной, от которого кровь в венах закипает.

– Это загородный дом родителей Птахи. Он разрешил нам побыть в нем.

Она охнула и подняла на меня глаза. Я видел, как она хочет поговорить о Марго и о матери. Я понимал, что, несмотря на примирение, еще не все вопросы решены. Между на-

ми пока нет того единения и доверия, что было раньше. Но решение потерять ее – было моим. И сейчас только я должен все исправлять. На моих плечах вся ответственность, вся вина.

Я старался не думать об этом. Она со мной, и это большее, на что я мог рассчитывать. А прибавить громкости эмоциям и чувствам – теперь это лишь моя задача, и времени.

Мы проходим в дом. Включаю свет. Вика чувствует себя неуютно. Осматривается по сторонам, вижу, как нервничает. Направляюсь к бару. У Птахиного отца хороший склад алкоголя. Знаю, что лучше не пить. В пять утра уже быть в универе, но нервы шалят. Бокал не будет лишним.

– Что будешь? Есть вино, шампанское, виски.

Вика прижимается ко мне, взяв под локоть. Задумчиво смотрит в сторону бара.

– Можно шампанского немного, – слетает тихое с губ.

Киваю. Откупорив бутылку, наполняю ее алкоголем.

Вика пригубляет напиток, смеется, когда пузырьки ударяют в нос.

– Из меня тот еще алкоголик, – улыбается она, а потом ресницы опускает, словно хочет что-то спросить, но не решается.

Подхожу к ней. Наклонившись, вдыхаю аромат ее кожи. Нежный, цветочный. Разрывает изнутри – настолько хочется быть с ней рядом. Постоянно быть. И знаю уже сейчас, как сложно будет возвращаться в универ.

Она глаза поднимает. По губам ее алым веду, понимая, что сожрать ее готов. Вкусную, необыкновенную. Никогда такого не ощущал, а сейчас внутри гул нарастает от того, как сильно хочу ее.

И когда мои губы оказываются у ее, она вдруг вздрагивает, отстраняется.

– Мне в душ нужно. Как пройти?

Боится? Смущается? Или оттягивает время, потому что не уверенна? Не показываю своего замешательства. Вика поднимается на второй этаж, а я внизу остаюсь.

Похоже, без алкоголя не вывезу сегодняшнюю ночь…

***

Несколько глотков виски ничего не решают. Так, лишь способность снять стресс.

Я выхожу в гостиную. Свет выключен, комнату освещают лишь огоньки гирлянды, развешенной по стене. Я здесь не был месяц, может, Лиза постаралась? Сестра Птахи любит всю эту романтичную хрень. Да и нет разницы. Весь мир сужается только до нее.

Вика у окна. Вышла из душа минут пять назад, судя по звукам. Но так и не спускалась ко мне.

Тоненькая точеная фигурка, коротенькое платье, заставляющее мою фантазию подкидывать мне картинки, одну развратнее другой.

Ее длинные черные локоны распущены и покрывают плечи.

В груди отдает болью от мысли, что все это время я был вдали от нее, что ее не было у меня.

Вспоминаю чертово сообщение от этого м*дака: «Я забрал ее у тебя…». Бл*ть, я порвал бы его на куски, если б только добрался до ублюдка в ту ночь. Если бы не Птаха, ушел бы в самоволку, показал этому у*бку, что значит трогать мое. Руки ему переломал бы.

Мысли о том, что она с ним – чертова петля на шею. Я жил с ними все эти пару месяцев. И это сжирало меня изнутри. Пока от нее не услышал обратное, не успокоился. Да и сейчас не отпустил эти мысли.

Все, чего я хочу сейчас – трогать ее, быть в ней. Хочу стоны ее слышать, и то, как скучала.

Я думал, что потерял ее навсегда. Целый месяц без нее, это было похоже на чертов мрак. А теперь она здесь, в моей комнате. Дрожит в ожидании меня. Маленькая моя девочка…

Она слышит меня. Вздрагивает. Обернувшись, застывает, смотрит на меня огромными голубыми глазами. А я иду, понимая, что сдохну лучше, но больше никогда ее не отпущу.

Дрожит. Чувствую биение ее сердца. Наклоняюсь и вдыхаю запах ее волос, касаясь губами шеи.

– Больше не делай так, – шепчет едва слышно. Ее пальцы касаются моих плеч, а у меня вены крутит. Только сейчас, чувствуя ее, могу осознать, как сильно истосковался.

– Никогда, мелкая, слышишь? Никогда, девочка моя…

В уголках ее глаз появляются слезы. И я ненавижу себя за то, что снова делаю ей больно.

– Марго… у вас с ней…

Обхватываю ее лицо руками, не даю договорить. Это такой бред то, что беспокоит ее сейчас. Если бы она знала, насколько я на ней повернут, не задавала бы таких глупых вопросов.

Веду пальцами по губам ее, вижу, как хочет. Сама с ума сходит от голода и в то же время дико стыдится этих ощущений. Такая чистая, такая юная, еще не развращенная девочка. Моя. И от этой мысли срывает последние клеммы.

Обхватываю ее шею, второй рукой, сжимая бедра, врезаюсь в нее, обрушиваясь на ее губы.

– Нам… нам поговорить надо… – шепчет, едва отстранившись.

Позволяю ей отойти на шаг. Раскрасневшаяся, волосы спутаны, губы ее, пухлые от поцелуя, кажутся еще больше. Бретелька платья спала, открывая моему взору ее правую грудь. Понимаю, что в таком состоянии я не смогу построить и пары предложений.

Подцепив пальцем вторую бретельку, медленно, наслаждаясь приятным чувством предвкушения, стягиваю и ее.

– Никаких разговоров, Вика, – не узнаю свой голос скрипучий.

Она вздрагивает, когда касаюсь ее соска. Пару движений и он твердеет под моими пальцами. А когда я слегка сжимаю

его, сладкий стон рвется из ее губ.

Вика тянется ко мне. Тянется к губам, целуя. Проникаю языком, и это чистый кайф. После долгой разлуки чувствовать ее вкус, дышать ей, трогать ее. Срываю с нее платье. Стягиваю вниз белье. А потом от своей одежды освобождаюсь. Она замирает. Смотрит на меня, закрывая руками грудь. А у меня стояк такой – кажется, сейчас взорвусь к чертям.

Убираю за плечо пряди ее волос, любуюсь ее бархатной бледной кожей, ее тонкой фигурой. Накрываю ладонью ее грудь – идеальна, словно создана для меня. Наклоняюсь и шепчу, лаская губами ее кожу.

– Ты— моя самая горячая фантазия…

Смущается, а у самой глаза пьяные, одурманенные. Не хочу, чтобы закрывалась. Она – моя. И в эту ночь я собираюсь взять ее полностью. Каждый сантиметр ее тела попробую, каждую клетку пропитаю собой.

Все, что было до нее – обнулилось. Потеряло какой-либо смысл. Все прежние связи кажутся грязными, ненужными. Я всегда брал, ничего не давая взамен. А сейчас готов сделать все, только бы почувствовать, как она кончает, только бы видеть глаза ее в этот момент и понимать, что моя она. Не только телом, но и душой.

С ее губ летят тихие мольбы. Она хочет этого. А я хочу немного поиграть с ней.

Подхватив за талию, усаживаю на стол. Развожу ее ноги

шире, поглаживая бедра. Мои губы снова на ее губах. Чувствую, как ее пальчики царапают мою спину, она тянется ко мне.

– Скажи, – голос сорванный, хриплый. Она замирает, когда я отстраняюсь, растерянно смотрит.

Губы кривит улыбка. Маленькая неискушенная кошечка. Вот ты и попалась.

– Скажи это. Я хочу услышать.

Она хмурится. Красный румянец заливает ее щеки.

– Илья, – снова стон, когда мои губы накрывают ее грудь. Выгибается дугой, требуя большего.

Ну уж нет. Я получу от этой ночи больше, чем просто секс.

Пальцы скользят по клитору, по уже влажной плоти. Шипит, трется об руку, а я отстраняюсь. Перед глазами снова воспоминания – то чертово сообщение и мысли, как трах*ть ее будет, что себе ее заберет. И это как чертов триггер. Готов сожрать ее, пометить, заклеймить собой. Чтобы больше никто, ни одна падаль не смела. Чтобы только моя. Только со мной.

Она молчит. Это злит меня.

– Скажи, – рычу.

Зверь рвется наружу, и я едва могу сдерживать себя. Губы на ней, она изгибается, пытается сама устроиться на нем, но я торможу ее, удерживая.

– Скажи, Вика, – с нажимом, глядя в ее глаза.

– Хочу тебя, Верх. Хочу… – шипит от злости.

Скулы сводит от ревности.

– Меня хочешь… или его?

Она поднимается, ее губы у моих, а сама в глаза смотрит открыто так, что внутри все сжимается.

– Тебя. Только тебя. Всегда.

Твою мать! Это чистый кайф. Резким движением поворачиваю ее на бок. Испугана. А когда я врываюсь в нее на полную, с ее губ слетает тихий стон. И это, бл*ть, полное безумие. От каждого движения – дрожь по телу. Будто девственник. Месяц воздержания, и теперь, когда она здесь… я едва могу справляться с собой и не сойти с дистанции раньше времени.

Вика отворачивается, чувствую, как напряжена. Она уже близко. Голодная, как и я. Сжимаю ее бедра, ласкаю пальцами ее грудь, а она еще больше, еще громче стонет. Никогда. Больше никогда не отпущу ее. Не позволю уйти. Убью каждого, кто только в ее сторону посмотрит. Моя.

Беру ее за подбородок. Губы пухлые свои приоткрыла, смотрит на меня потерянным безумным взглядом. Пальцем веду по ее верхней губе. Выхожу и вхожу на полную, наклонившись, ловлю ртом ее стон.

Выпускаю ее лицо, она отворачивается, уносясь в космос обратно. А я надышаться не могу, насмотреться.

Не понимаю, как это происходит. В один момент в моих руках оказывается телефон. Включаю камеру и начинаю запись.

Продолжаю трах*ть ее. Жадно трах*ть. Так, что при каждом моем движении стол под нами отдает противным скрипом.

– Вик… – зову ее, замирая. Она поворачивается. Видит камеру, удивленно впивается в меня глазами.

– Что?

– Ты мне доверяешь?

Она молчит. Только головой кивает. А меня уже совсем другое волнует. Хочу услышать от нее ответ.

– Ты скучала? Там без меня… скучала?

В первые секунды не понимает, что происходит. И следующее мое движение внутри нее уносит последние крохи разума. Трах*ю ее, стискиваю пальцами нежную плоть, бедра ее ласкаю.

Она молчит, и это бесит меня.

Останавливаюсь. Вика рычит. Поворачивается, смотрит на меня волком. Губы кривит улыбка, и теперь я чувствую, что вот-вот кончу от одного только взгляда голодной волчицы. Наконец выпустила когти. Наконец она стала прежней.

– Я задал тебе вопрос. И пока не ответишь, я не дам тебе кончить, девочка, – произношу с улыбкой. А она в камеру смотрит.

Пару секунд неизвестности – как чертова вечность. А потом Вика просто берет и подтягивает меня к себе, схватившись за шею. Ее язык касается моей груди. Она ведет языком по моей коже, ни на секунду не сводя глаз. В потемнев-

шем взгляде такие черти скачут, бл*ть.

– Да, – в самые губы. Сжираю ее. Притягиваю к себе, целуя, а потом снова отпускаю, вбиваясь в нее по полной. Она извивается, я вижу, как ее тонкие пальцы скользят по гладкой поверхности стола, царапая деревянную поверхность ноготками. Ласкаю ее грудь и чувствую, как она начинает кончать. Каждый спазм ее лона, каждый стон ловлю и запоминаю на камеру.

Знаю, что придется уйти с рассветом. Боюсь, я дико боюсь остаться снова без нее. Хочу урвать хотя бы кусок. Хочу хотя бы так частичку ее, хоть клочок того кайфа, что мы разделяем сейчас. Страх того, что она снова уйдет, все еще сидит внутри. И мне страшно думать о том, что я могу остаться один. Что ее не будет. Эти мысли выводят из себя, выматывают.

Глава 8

Вика

Мое тело изнеможенно. От его поцелуев и ласк, от его губ и рук. Я в его объятиях горячих, и это самое лучшее место на планете. Это мой рай. Высокий, татуированный, показавшийся мне бандитом при первой встречи и так сильно влюбивший в себя уже на второй. Я люблю его. Всецело, каждой клеточкой тела. Я люблю его так сильно, насколько это вообще возможно. И его руки – это единственное место, куда я хочу возвращаться каждый день.

Он не спит. Я чувствую его взгляд. Он ласкает, заставляет чувствовать себя самой красивой, самой желанной. Вот так… оказывается, не нужно ни красивого белья с кружевами, ни шикарного мейкапа. Для того чтобы почувствовать себя королевой, достаточно лишь любящих глаз и рук, достаточно горячего мужского сердца.

– Малая, – его шепот пускает новую волну мурашек по коже. Потягиваюсь сладко, еще крепче прижимаясь к его телу.

– Эй, сонное царство, – в его голосе улыбка. Чувствую касание его пальцев к плечам. Он убирает пряди моих волос в сторону.

– Нам пора, мне через полчаса нужно быть в универе. Еще тебя домой довезти…

Я хмурюсь. Не хочу. Ну почему все так?! Сколько мы были вместе? Часов пять, не больше. И это так мало после столь

долгой разлуки! Но я понимаю, что Илье сейчас еще тяжелее. Я остаюсь здесь, на свободе, а ему в казарму и снова выполнять приказы командиров.

Распахнув глаза, смотрю на него. Лежит на подушке, рука за голову, и во взгляде его столько любви. Тянусь, оставляя короткий поцелуй. Знаю, что не должна хныкать и просить. Не хочу, чтобы ему было еще сложнее.

– Я такси вызову, а ты спокойно в универ возвращайся, – пытаюсь подняться, чтобы одеться, но он хватает меня за руку и резким движением возвращает в прежнее положение.

– Заканчивай эти разговоры, – хмурится, а после нежно касается губами моих глаз. Проводит пальцем по очертаниям лица, не скрывая наслаждения.

– Еще моя девушка со всякими таксистами не каталась. Я отвезу тебя. Точка.

Упертый. Спорить с ним невозможно. Поднимаюсь с постели и начинаю искать свою одежду. Верх делает то же самое, и мы без конца сталкиваемся, отчего начинаем смеяться.

– Все, мелкая, спускайся. Я жду тебя, – он одевается первым. Целует меня и спускается вниз. А я замираю. Осматриваю помещение, бросаю взгляд на смятую постель и думаю о том, что эта комната совершенно чужая и незнакомая мне. Но за несколько часов она стала самым теплым и райским местом. Достаю телефон и фотографию кровать. Не знаю для чего, просто хочется это сделать. И кажется, что так правиль-

но.

Пока спускаюсь вниз, думаю о том, что мы так и не поговорили. Хотя какие разговоры я жду? О Марго? Да не было ничего у них, и так это чувствую и понимаю. Сегодняшней ночью Илья был полностью моим. И я хочу, чтобы так было всегда. И я больше не позволю никому нарушать то, что есть между нами. Не хочется марать ощущения об этой прекрасной ночи даже разговорами о ней.

Мы летим по ночному городу так быстро, что дух захватывает. Но я не боюсь. Я уверена в Илье, я знаю, что он не допустит, чтобы с нами случилось что-то страшное. Обнимаю его за талию, пряча руки в полах его кожанки. Я прижимаюсь к нему всем телом. К сильному, надежному и крепкому… Сейчас, проносясь мимо ночных огней набережной, я думаю, что это все только начало. Он вернул меня. Или я вернулась. Не важно. Главное, что мы любим. А все остальное – просто фон.

***

Утро встретило меня через два часа. В глаза будто песка насыпали. Но как только посмотрела на экран и прочитала все три сообщения Ильи, которые он успел оставить – почувствовала невероятный прилив сил и смущение.

«Запах твоего желания – это самое вкусное, что может быть. Малая, я повернут на тебе».

«На следующих выходных не строй планов. Я заберу тебя до понедельника».

Написала ему сообщение, а у самой улыбка на все лицо. Вот только когда взглянула в зеркало, ужаснулась. После того, как Верх вернул меня домой, я просто рухнула на кровать и уснула. Даже до ванной не добралась. И сейчас в отражении на меня смотрело чудовище. Лохматое и перепачканное собственной косметикой. Точнее ее подтеками.

Кое-как приведя себя в порядок, вызвала такси и отправилась в офис. Всю дорогу переписывались с Ильей. Он сидел на занятиях, рассказывал мне, как пришлось возвращаться в универ. И как их с Птахой едва не застукали, но, слава богу, все обошлось.

В офис я заскочила ровно за пять минут до начала рабочего дня. Успела бросить вещи на стол и врубить компьютер. Девчонки уже сидели в кабинете и как-то странно смотрели на меня. Обиделись? Но на что? Мне некогда было думать об этом, тем более в дверь постучал Ник и позвал всех на совещание.

Шеф на удивление и радость был в приподнятом настроении. Все было бы хорошо, если бы не постоянные взгляды Ника. Ей богу, я уже не знала, куда деться. И когда Сергей Владимирович попросил всех возвращаться на свои места, я обрадовалась.

– Виктория Владимировна, а вы останьтесь, – произнес он, когда я поднялась со стула. Ну вот, приплыли.

Дождавшись, когда мы останемся одни, шеф сделал знак присаживаться поближе.

– Виктория, ты же в курсе, что через две недели наша компания будет участвовать в международном семинаре? Я планировал взять с собой Никиту Александровича. Но планы немного изменились, у нас увеличилось количество возможных участников, поэтому я хочу, чтобы ты полетела с нами.

От удивления даже не сразу нашлась с ответом.

– Я?

Я была уверена, что это шутка. Но на лице шефа не было и тени на улыбку.

– Да, Вика. В Париж. Через две недели. Завтра принесешь свой загранник, будем оформлять визу.

– Простите, Сергей Владимирович, а я могу обдумать это? Или уже все решено?

Он улыбнулся.

– Конечно, можешь. Просто такое предложение выпадает далеко не каждый день. Не думал, что ты решишь думать…

Я поблагодарила начальника и вышла. Не знала, как реагировать на это. С одной стороны, поездка – это невероятный шанс для меня. Париж! Крупные компании! Около месяца жизни там. Но с другой… едет Ник… и это значит оставить Илью на целый месяц одного. Как он воспримет новость о поездке? Как отнесется к этому?

В раздумьях не заметила, как налетела на кого-то.

– Прости… – замерла. Передо мной стоял Ник. Его взгляд не обещал ничего хорошего. Он схватил мен за руку и поволок за собой в коридор.

Глава 9

Илья

Все пары были безнадежно пропущены. Половину из них я пялился в экран, переписываясь с мелкой, а вторую половину тупо спал. Нервоз последних дней дал о себе знать. И теперь я чувствовал себя овощем.

– Эй, братан! – кто-то тронул меня за плечо. Подскочил со стула, почувствовал, как кружится голова. Твою мать! Разве можно так будить людей?!

Птаха стоял и пялился на меня с дебильной улыбкой на лице.

– Хватит спать, пары кончились. Сейчас строевая…

Надавил пальцами на глазницы, пытаясь переждать болевой спазм в голове.

– Бл*ть, и чему ты так радуешься? – простонал.

Сейчас бы пару часов крепкого сна, а не вот это все. Птаха продолжал смотреть на меня, как на идиота.

– Да я не радуюсь, брат, похоже, встрял ты…

Поднял на него глаза.

– Тебя к начальнику кафедры вызывают. Майор, говорят, рвет и мечет.

***

Мне было похер. Пацаны смотрели так, будто я иду на казнь. Самоволка, ну и что с того? В первый раз, что ли? Поднялся по ступенькам в офицерский корпус. Постучал в

дверь.

– Заходи, – раздался грубый мужской голос. Внутри что-то дернуло, но я не придал этому значения. А когда открыл дверь и вошел, то все встало на свои места.

Усмехнулся нервно. За столом майора сидел дядя. А рядом моя мать.

– Ну да, как же я сразу не подумал, – усмехнулся, разворачиваясь обратно.

– Илья! – рявкнул Егоров. – Если еще шаг сделаешь – пожалеешь! Или ты думаешь, что твоя ночная вылазка осталась никем незамеченной?

Я обернулся. Посмотрел на него. Наглый, обрюзгший жиром и высокомерием. И чем выше его звание, тем больше в нем этого дерьма.

– Ну и? Исключишь меня? Давай…

– Илья, – вздохнула мать, роняя слезы. На секунду стало не по себе. Но я прогнал эти мысли. Не собираюсь больше вестись на ее манипуляции.

– Сядь и поговори с матерью! Уже два месяца не может с тобой контакт найти! Ты совсем страх потерял, щенок?! – рявкнул и подскочил из-за стола. Дядя обошел его, остановившись в метре от меня. Я, типа, должен его бояться?

– С ней мы сами разберемся, ты не лезь, ладно?!

Его ноздри раздулись от злости, а кожа лица стала красной.

– Илья, дядя прав! – мать почувствовала, что пахнет жаре-

ным. Подскочила вслед за Егоровым. – Я звоню тебе, я прихожу на КПП, но ты не выходишь. Неужели из-за какой-то девушки ты готов отказаться от собственной матери?! У меня давление скачет, скорая не уезжает…

Покосился на нее.

– Ты сама этого хотела, когда влезала в мои отношения. Когда решила за меня, с кем мне и как быть. Так почему теперь тебя это не устраивает?

– Илья, прости меня… Я сто раз уже извинилась. Прости, что хотела как лучше для тебя. Прости, что пыталась не дать совершить ошибок! Да, я не права. Я не должна была лезть. Но ты же не даешь мне даже возможности поговорить с тобой!

– Да что ты стелешься перед ним?! Ты посмотри, обидели его. А о Марго ты подумал?! Ты хоть раз позвонил ей?! Девочка страдает все эти месяцы, заперлась дома, как в клетке! Чертов эгоист!

Прошелся ладонью по короткому ежику волос.

– Ладно, мам. Я услышал тебя, мне пора, – потянулся к двери, но почувствовал хватку на своей руке. И лучше ему говорить со мной в другом тоне, могу ведь не сдержаться.

– Послушай меня, – Егоров ходил по краю. – На этих выходных у тебя будут отгулы, я договорился. Проведешь их с семьей. Мы поедем в загородный дом. И там у тебя будет возможность поговорить с Марго…

Посмотрел в его глаза, улыбнулся широко.

– Ты правда думаешь, что я поеду?

– Я уверен в этом, Илья. И пусть только твоя мать позвонит и скажет, что ты не пришел. Вылетишь из универа, как пробка.

– Могу идти?

Видел, как дернулся его кадык.

– Иди.

Выскочил в коридор, но в пролете услышал мамин голос.

– Илья!

Стиснул кулаки. Лучше бы ей не встревать сейчас. Я не собирался слушать ее бредни, но в груди все равно щемило. Какой бы она не была… она моя мать. И мне сложно так поступать с ней.

– Прости его, Илья. Он просто переживает обо мне… – смахнув с лица слезы, она потянулась ко мне. – И меня прости, я была не права. И с Викой твоей неправильно поступила. Вы поссорились…

– Мы вместе, мама.

Она кивнула. На губах даже улыбка мелькнула.

– Приходите с ней на выходных, Илья… Я буду рада начать все заново… если ты дашь такой шанс…

Мама выглядела расстроенной. Лицо осунулось, под глазами синяки. Отвел взгляд в сторону, потому что не мог на нее смотреть. Бл*ть, как я устал от всего этого.

– Я приду, только Вику не впутывай. Вся эта компашка не для нее. Но ты должна знать, что мы вместе, и у нас все

серьезно.

– Конечно, – улыбнулась мама и притянула меня к себе.

Меня коробило от одной только мысли, что я сделаю так, как приказал Егоров. Только это совсем не из-за него. Не хочу, чтобы она плакала дальше. Но и Вику с собой тянуть не буду. Не допущу, чтобы их омерзительные взгляды касались моей девочки…

– Я заеду туда на пару часов. А потом уеду. Заеду только ради тебя.

Глава 10

Вика

Ник молчал и курил. Он перекрыл мне пути обхода, встав в дверном проеме. В такие минуты, как сейчас, я лихорадочно вспоминала причины, почему я все это терплю?

– Я надеюсь, ты приняла предложение шефа? – он посмотрел на меня прищурено, выдохнув сквозь губы сигаретный дым.

Закатила глаза. Ну конечно, как я раньше не поняла? Когда шеф объявил о том, что количество участников семинара увеличилось на одного, именно Ник выдвинул мою кандидатуру.

– Еще нет, я попросила несколько дней на обдумывание

Он кивнул, усмехнулся чему-то своему. Подцепив носком туфель оторванный кусок каменной плитки, подбросил его в воздухе.

– Это из-за курсанта? – бросил, словно невзначай.

Я молчала. Тогда Ник широко улыбнулся, поднимая голову кверху.

– Ну конечно… ты готова просрать такой шанс ради того, чтобы он не плакал…

Меня злил его сарказм. А еще мне надоело вечно чувствовать себя виноватой. С Ильей из-за Ника, а с ним из-за Верха.

– Не надо так…

Его лицо исказилось в гневной гримасе.

– Не надо как, Вик?! Разве ты не видишь, что происходит?! – закричал едва ли не на всю улицу. Прохожие оборачивались к нам. Стало стыдно. Ник никогда еще не вел себя как… придурок.

– Ладно, ты помирилась с этим идиотом, я закрыл на это глаза! – продолжал наступать на меня. – Кто я такой, чтобы что-то говорить тебе о нем? Хочешь набивать дальше шишки – окей. Но это всего месяц. Вик… Новые перспективы и знакомства. Скажи, разве ты не хочешь уже сейчас зацепиться нормально в профессии? Не хочешь попасть в крутую компанию и строить свою карьеру? Разве тебе нравится то, чем ты занимаешься сейчас?

Меня пугал его напор. А еще было до смешного странно все происходящее.

– Я студентка, Ник. И пока что не имею то, чего достойна.

Он посмотрел на меня так презрительно. А потом отшвырнул в сторону сигарету с такой силой, что мне не по себе стало. Ник резко приблизился, оставив между нами считанные сантиметры пространства.

– Ты даже не представляешь, чего ты достойна, Вик, – шепотом, внимательно всматриваясь в черты моего лица. – Но это, видимо, тоже не моя забота, да?

Его губы скривились в злой усмешке.

– Делай,что хочешь, мне пофиг, правда. Только не надо потом прибегать и плакаться. Ничьей жилеткой быть не со-

бираюсь.

Он обошел меня и забежал в здание. А мне так обидно стало. Почему он заставляет меня делать выбор? Почему не дает возможности обдумать все и принять решение? Я злюсь на него, но понимаю, что Ник прав. Такой шанс выпадает далеко не каждый день. Всего месяц разлуки. Разве это много? Верх и сам постоянно в универе, он строит свою жизнь, учиться. Так почему я должна отказываться от шанса?

Тянусь к телефону, желая набрать номер шефа. Я согласна. Я поеду. Уверена, Верх поймет меня.

Но не успеваю нажать на вызов, телефон сам оживает в моих руках.

Неизвестный номер. Замираю в изумлении. Спустя несколько секунд отвечаю на звонок.

– Алло, Вика?

Женский голос.

– Да, – тихо, а у самой сердце в волнении заходится.

– Вик, это Ирина Витальевна, мама Ильи. Мне очень нужно с тобой поговорить, ты можешь сейчас подъехать ко мне?

Первый порыв – бросить трубку и заблокировать контакт к чертям. Но потом я понимаю, что так нельзя.

– Что-то случилось? С Ильей? – спрашиваю, а у самой голос дрожит от волнения. Противное сосущее чувство где-то под ложечкой.

– Да, вернее, может случиться. Я прошу тебя, приезжай. Нам нужно поговорить, а там выбор за тобой, Вика.

Мне хочется рассмеяться. Она серьезно думает, что я вот так просто побегу к ней?

– Почему я должна идти к вам навстречу? Прошлый наш разговор закончился нашим с ним расставанием.

Она молчит. Слишком долго, что я начинаю терять терпение.

– Если ты любишь моего сына, ты приедешь.

Илья

– Спасибо, что пришел, сынок, – мама улыбнулась и притянула к себе.

Потер устало виски. В этом костюме чувствовал себя идиотом. Да еще и к Вике не мог с утра дозвониться. Половину ночи проболтали, а сегодня пропала куда-то. Мысли только о ней, не знаю, как не развернулся по дороге и не поехал к ней. Не хочу быть в ее глазах параноиком. Договаривались ведь на вечер.

Окинул взглядом пространство. Ресторан уже полон гостей, во дворе играют музыканты, официанты разносят алкоголь, позволяя богатым задницам чувствовать себя еще и счастливыми.

Краем глаза заметил дядю. Он стоял в компании одного генерала, едва ли не стелился перед ним. Противно смотреть на то, как этот заносчивый урод в присутствии более сильных особей превращается в служивого пса.

– Егоров метит на повышение?

Мама проследила за ним взглядом.

– Да, его переводят в Москву. И зря ты так говоришь, между прочим, твоя карьера зависит напрямую от него.

Покосился на нее, но ничего не стал говорить. Ели буду нести все, что на уме, уже через пару минут пошлю все к черту и свалю отсюда.

– Ты все-таки не позвал свою девушку? – спросила она, когда мы устроились за столиком. Здесь было еще одно свободное место, надеюсь, оно не для Егорова.

– Я же сказал, здесь ей делать нечего.

На губах женщины мелькнула улыбка. Это насторожило, но мое внимание отвлек женский голос, прозвучавший из-за спины.

– Верховский, и ты, конечно же, здесь.

Прикрыл глаза, чувствуя, как по венам злость разносится. И какого рожна ей здесь надо? Неужели мать за старое взялась?

– И тебя, конечно же, посадили со мной за один стол, – покосился в сторону матери, будучи уже на низком старте. Мама сделала вид, будто не понимает, о чем речь.

Марго устроилась на свободный стул справа. Выглядела она как шлюха: черный топ и юбка – слишком короткое и открытое для вечеринки с предками, расширенные зрачки и пьяная улыбка на губах говорили о том, что девушка взялась за старое. Она опротивела мне. Если раньше я закрывал глаза на ее присутствие рядом, то теперь даже звук ее голоса для меня триггер.

После того вечера в баре я больше не видел ее. Не знаю, на что она надеялась. Туда Марго приперлась сама, а я просто сыграл с ней трехминутный спектакль. Разве это дает ей право строить из себя обиженную? Разве не понятно, что ничего общего иметь с ней я не собираюсь?

– Классная стрижка, тебе идет, – шепотом, с томной улыбкой. Ее рука ложится на мою, и я в секунде от того, чтобы отшвырнуть ее. Но не успеваю. Внезапно на мои плечи опускается чья-то ладонь. Нежное легкое касание тоненькой руки, от которого будто одеялом накрывает спокойствием.

– Всем привет, простите за опоздание, – тембр ее голоса стягивает жгутом все нутро, заставляя мотор в груди реветь тройными рывками. Не верю своим ушам, но это она. Только с ней так душу рвет от одного ее присутствия рядом.

Смотрю в ее глаза красивые, и произнести ничего не могу от шока.

Марго, как и я, ошарашено смотрит на Вику, и сейчас ладонь девушки на моей жжется огнем. Я понимаю, что выглядит все это совсем не так, как на самом деле…

– Марго, прости, дорогая. Но это место зарезервировано для меня, – Вика кивает в сторону таблички в углу стола. И там под моим именем действительно написано ее.

Марго смотрит на мою мать, а та просто пожимает плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.